

Агеев Александр Иванович — генеральный директор Института экономических стратегий РАН, заведующий кафедрой управления бизнес-проектами НИЯУ МИФИ, доктор экономических наук, профессор.

Иногда полезно перечитывать научные монографии, изданные давно. В 2005 г. — это очень давно по нынешним меркам. Их сравнительно немного, и они обычно теряются в потоке новых изданий, пылятся на полках или в личных архивах. Однако трудно оспорить тот факт, что именно выдержавшие проверку временем труды представляют особую ценность и имеют шанс стать когда-то классикой.

Монография известного российского экономиста М.В. Ершова «Экономический суверенитет России в глобальной экономике»

аудиториях в последнее время президент [1].

Ровно та же проблематика составляет предмет той давней монографии М.В. Ершова. Сталкиваемся ли мы в данном случае с довольно коротким интервалом от научного доказательства идеи до ее политического манифестирования?

Полистаем книгу, которую написал в 2004–2005 гг. ученый, неоднократно участвовавший в важных внутренних и международных событиях, в том числе выступавший в качестве эксперта на саммите G7, неоднократно выска-

Реалии экономического суверенитета

Полная версия книги размещена на сайте www.erhovm.ru

вышла в свет 11 лет тому назад. Еще оставалось почти две пятилетки до момента, когда высшее должностное лицо страны заявит как важнейшую стратегическую цель «наращивание экономического суверенитета». Эта цель В.В. Путиным формулировалась неоднократно и с разными уточняющими пояснениями: «По некоторым ключевым моментам, которые обеспечивают суверенитет, мы, безусловно, должны многое изменить <...>. Мы обязаны преодолеть давление внешних факторов за счет укрепления экономического и финансового суверенитета. Это чрезвычайно важная вещь, о которой мы как бы подзабыли, полагая, что финансы и экономика всегда будут вне политики, о чем мы часто слышали со стороны. Выяснилось, что это совсем не так. Что это, наоборот, используется как очень мощный инструмент политического давления», — подчеркивал в разных

завший свою точку зрения и оценки деятелям политики и бизнеса.

Прежде всего в работе ставятся принципиальные для России и тогда, и сегодня стратегические вопросы, а именно: на каких условиях быть частью (и какой частью) глобальной экономики? Будем мы в этой новой системе в роли объекта или в роли субъекта? Иными словами, будут нас использовать другие для своих нужд или мы будем сами пользоваться теми возможностями, которые заключены в международной системе, для собственного развития? Сумеет ли мы сохранить экономический суверенитет, при котором российская власть и национальный бизнес будут обладать решающим весом при формировании и реализации приоритетов нашего развития, иметь определяющий голос в принятии основополагающих решений, ка-

сающихся судеб национальной экономики? Или такие решения будут приниматься где-то в других местах, а Россия превратится в «экономическую территорию», некое «трансграничное, транснациональное пространство», лишь поставляющее ресурсы для всего мира?

Эти вопросы вовсе не потеряли своей злободневности и сегодня. А в то время они казались многим, пожалуй, крамольными. Страна полным ходом стремилась встроиться, не всегда отдавая себе ясный отчет куда, зачем и как. Почти два десятилетия ушло на вступление в ВТО, за это время заметно утратившую свою привлекательность и влияние. А до известной речи В.В. Путина в Мюнхене, показавшей, что чаша терпения, точнее чаша иллюзий и беспочвенных упований, у российского руководства переполняется, оставалось еще два года.

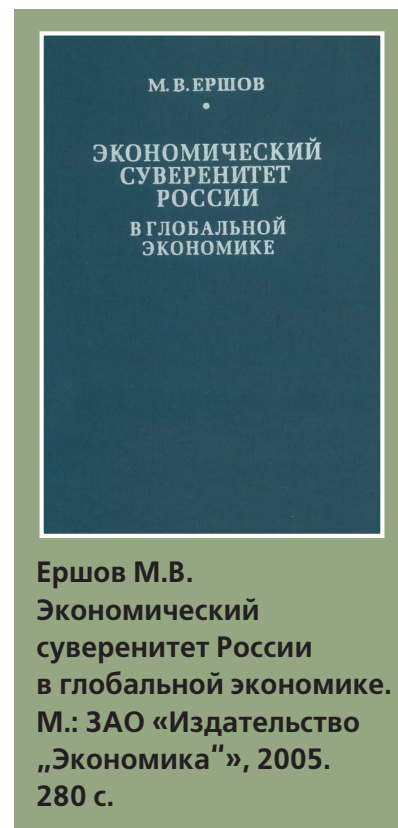
Однако целеполагание и реальные действия опосредуются потенциалом. Видит око, да зуб неймет — истина известная. Даже если установка на наращивание — а по сути возвращение — экономического суверенитета научно обоснована и политически заявлена, это вовсе не означает, что эта цель достижима в принципе или на обозримом горизонте. Риск поставить недостижимую цель и надорвать силы, пытаясь ее достичь, шапками закидать — не редкость в нашей истории. Понимание этого отличает автора книги от многих любителей суесловий на эту тему.

Проанализировав тогдашние возможности России и российского бизнеса конкурировать в глобальной экономике, показав и доказав, что они имеются не в воображении, а вполне реально, М.В. Ершов поставил вопрос о том, как в свою очередь поведут себя наши основные конкуренты, страны и отдельные компании в ситуации снижения барьеров доступа на рос-

сийский рынок. В частности, еще за несколько лет до вступления России в ВТО автор книги писал: «С учетом того огромного обеспечения природными ресурсами, которыми располагает Россия и которые сопоставимы с ресурсным обеспечением всех стран ВТО вместе взятых, совершенно очевидно, что Россию в ВТО примут. Страны — члены ВТО не могут оставить без внимания тот огромный потенциал и те огромные возможности, которые откроются для членов организации в результате полномасштабной интеграции и открытости экономики России. В конечном итоге ВТО больше заинтересована в России, чем Россия в ВТО (хотя, конечно, это встречный процесс и при его правильной и взвешенной организации выиграть должны все стороны)» [2, с. 131].

Автор сформулировал предельно ясно: «Процессы, протекающие в современной глобальной экономике, таят в себе и огромные выгоды, и разрушительные риски. И от того, насколько правильно выбрать приоритеты и точки опоры в этой высокодинамичной среде, зависит, сможет ли Россия занять достойное место в мировой экономической системе» [2, с. 282].

Это была одна из первых исследовательских попыток в России осознать принципиально новые особенности мировой экономики, обрисовывающиеся в начале XXI в. В качественно новое состояние перешли мировая финансовая система и механизмы манипулирования рынком. Автор еще не ставил перед собой задачу анализа вопросов экономической устойчивости в условиях глобальных кризисов [3], но открыто выразил интерес к оценке этих явлений в будущем: «В будущем представлялось бы интересным оценить, насколько уменьшатся ВВП основных стран, во-первых, скорректированные с учетом ис-

кусственно завышенных ценовых параметров ряда компонентов, а во-вторых, с поправкой на саму структуру производимых товаров и услуг, где системные, стратегические и иные факторы, формирующие необходимые корзины жизнеобеспечения, занимают более реальное место относительно „виртуальных“ компонентов» [2, с. 25–26].

Однако в эпицентре внимания автора все-таки Россия, которой посвящены не только главы «Об опыте 1998 года» и «Фондовый рынок: до и после кризиса», но и, по сути, вся работа. «В современных условиях России необходимо нахождение и четкое, сбалансированное использование рычагов и механизмов, которые позволяют ей эффективно интегрироваться в глобальную экономику, сохраняя при этом те основы и приоритеты, которые соответствуют ее национальным интересам и которые позволяют ей выступать в качестве серьез-

ного суверенного участника мировой экономики. Очевидно, успешное решение данной проблемы определит характер развития нашей страны на многие десятилетия» [2, с. 7]. Пока еще в далеком будущем маячат санкции западных стран, исключение России из множества международных режимов, даже начало новой холодной войны, которые поставят все эти вопросы 2005 г. в условиях цейтнота. И мы сегодня не можем сказать, что эта дилемма была и тогда, и сегодня разрешена безупречно. Дело не в том, чтобы участвовать или не участвовать в мирохозяйственных связях. Дело в статусе этого участия — зависимом (квази-колониальном), компромиссном (выборочно суверенном) или суверенном, а также в экономической эффективности этого участия и стратегических преимуществах. В конце концов возможен и сценарий полной автаркии, дающей ощущение полного суверенитета, но и неизбежно сулящий потерю выгод от неумелого участия в мирохозяйственных связях и глобальных стоимостных цепочках. Актуальная дискуссия, весьма острая, идет именно в этом прокрустовом пространстве.

Автор поставил в 2005 г. и другой острейший вопрос нынешней политико-экономической дискуссии — о монетизации и длинных деньгах.

«Важнейший вопрос, делающий монетизацию не просто формальным инструментом, создающим для экономики нормальные условия, а превращающий ее в один из центральных, узловых моментов всей экономической политики — это вопрос об ее источниках и механизмах... Но с точки зрения основ национальной финансовой системы у истоков ее формирования должен стоять национальный центральный банк... Поэтому и в процессе монетизации российской экономики важную роль долж-

Ершов Михаил Владимирович, российский экономист, директор по финансовым исследованиям и руководитель департамента финансового анализа Института энергетики и финансов, доктор экономических наук, профессор, автор нескольких книг и множества публикаций по экономике

ны были бы играть механизмы самого Центрального банка, который должен выступать в своей важнейшей роли „кредитора последней инстанции“» [2, с. 171].

По существу, еще в условиях «тучных лет» автор обосновывает необходимость активной экономической политики. Существует и сегодня стереотип, будто активная политика не сможет простимулировать экономический рост из-за плохого инвестиционного климата, институциональной недостаточности, высокой монополизации. Более того, этот стереотип стал и модной мифологией, а борьба за него и против ведется с ожесточением едва ли не религиозного фанатизма.

Между тем для восстановления финансового рынка США после трагических событий 11 сентября 2001 г., когда масштаб рефинансирования американских банков превысил обычный объем в 200 раз, ставки были опущены почти до нуля и использованы специальные механизмы. «Умные регуляторы» вышли из кризиса без усугубления ситуации. Подобные же решения были применены и для выхода из кризиса 2008 г. и в США, и в Европе.

Обращаясь к этому опыту, автор приходит к рекомендации «идти по пути целевой эмиссии на наиболее приоритетные сферы, которые могут быть драйвером экономического роста и обеспечить рост и развитие» [2, с. 188]. Напомним, что этот тезис 11-летней давности лишь в текущем году стал темой для широкой и острой общественной дискуссии. В ней, кстати, М.В. Ершов последовательно отстаивает свою позицию.

Стоит заметить, что за позицией М.В. Ершова в отношении места России в глобальном миропорядке и важности активного стимулирования экономического роста, в том числе через механизмы целевой эмиссии, просматривается мощная историческая подоплека, восходящая к сдвигам этого миропорядка в XX в. Речь о трансформации мировой валютно-финансовой гегемонии.

Процесс замещения гегемонии Великобритании и ее фунта стерлингов в мировой торговле Соединенными Штатами и долларом происходил в драматичных условиях более 30 лет, сопровождаясь двумя мировыми войнами и распадом ведущих империй и мировой колони-

альной системы. Главный приз в этом эпохальном процессе, который получает победитель, — контроль наднациональной модели экономического развития. Он достался в 1945 г. США, создавшим эшелонированную систему бенефициаров от своей гегемонии. В этом контексте важно, что проигравшие в войне Германия и Япония до сих пор находятся по немногим, но существенным параметрам в парадигме зависимых от США стран с ограниченным технологическим, экономическим, военным и политическим суверенитетом.

До распада мировой социалистической системы и СССР из режима этой мировой гегемонии было изъятие, достигавшее пятой и иногда четвертой части мировой экономики. В результате своего добровольно-принудительного поражения в холодной войне Россия была втянута в разрешение геополитических и геоэкономических задач глобального конкурента. Обмен западной финансовой и товарной массы на дешевые ресурсы, материальные и людские, постсоветских государств, запуск схем вывода инвестиционного капитала из страны и ликвидации множества конкурентоспособных предприятий сыграл важную роль в предотвращении срыва экономики США и Европы в кризисный штопор. По сути, это была экспроприация в пользу Запада части ресурсов СССР как результат его поражения в холодной войне.

Хранение национальных валютных резервов постсоветских стран, включая Россию, в облигациях США также явилось одной из форм репараций победителю в холодной войне. Вплоть до этого дня объем российских вложений в американские гособлигации превышает 100 млрд долл. Сюда следует добавить существенную утечку умов (более миллиона высококвалифицированных кадров) и объектов интеллектуальной собственности (здесь отри-

цательное сальдо ежегодно превышает 5–7 млрд долл.) [4, с. 8].

Установлению неэквивалентного обмена стран Запада с РФ способствовал и импорт оборудования, технологий, других объектов интеллектуальной собственности. В докризисные годы он ежегодно достигал 140–150 млрд долл. Способствуя модернизации экономики, такой обмен одновременно усиливал импортозависимость и привязку к зарубежным техническим решениям, зачастую устаревшим. По самым осторожным оценкам отток инвестиционных ресурсов из РФ за 1990-е и 2000-е годы превысил 2 трлн долл. [5, 6].

По самым осторожным оценкам отток инвестиционных ресурсов из РФ за 1990-е и 2000-е годы превысил 2 трлн долл.

Россия, по существу, повторила свой опыт интеграции в мировое хозяйство начала XX в.: рост заимствований капитала, ставка на импорт не только технологий, техники, оборудования и торговых марок, но и институтов. Поиск выхода не только Россией, но и Китаем, Индией, Мексикой, Турцией и другими странами из тогдашней угнетающей внешней зависимости, финансовой, технологической и, как следствие, политической, а с другой стороны — препятствование этим изменениям со стороны ключевых великих держав и их соперничество между собой привели к глобальной турбулентности. Правда, хаосом ни тогда, ни теперь управлять-то никто толком не умел. И огромные социоприродные организмы впали в кровопролитное «рыскание по траектории». Оседлать долгосрочные тренды смогли в конце концов через биполярный миропорядок.

Освобождение России от неформальных и формальных условий поражения в холодной

войне в 1991 г. началось лишь с укреплением ее экономического положения, восстановлением военного потенциала, накоплением недоверия к Западу как партнеру. Глобальный финансовый кризис, Пятидневная война, яростная антироссийская информационная кампания в августе 2008 г. и в период президентских выборов 2012 г., антигосударственный переворот на Украине катализировали обретение Россией основ своей новой геополитической субъектности. Попытки России (деофшоризация, импортозамещение и другие меры) выйти из дискриминационных форматов участия в мирохозяйственных отноше-

ниях, открыто манифестированных и усугубленных санкциями, стали неизбежным следствием принятых геополитических решений. Сама заявка России и ее партнеров по БРИКС на участие в формировании новых институтов мировой торговли и валютно-финансовой системы — это шаг к возможности контролировать правила игры в борьбе за независимость, которую наша страна ведет весь XX в.

М.В. Ершов, по существу и в данном ракурсе, обратил внимание на появление нового поколения систем подавления национального суверенитета. Иными словами, глобализация открывает невиданные ранее возможности кооперации, одновременно беспощадно подрывая жизнеспособность национальных и корпоративных экономик в пользу наиболее динамичных игроков, опирающихся не только на свои классические конкурентные преимущества, но и на превосходство валютно-финансовой системы, силовой потенциал и методы гиперконкуренции. При этом эро-

Выход из кризиса будет происходить медленно — в течение десятка лет — и потребует существенного видоизменения мировой валютной системы в целом.

зия позиций в реальном мировом производстве, как показывает исторический опыт, может достаточно продолжительное время компенсироваться ранее достигнутым превосходством в области стратегических отраслей, военной мощи, технологических достижений, коммуникационных платформ, информационного влияния, всего комплекса факторов «твердой» и «мягкой» силы, организационного и интеллектуального преимущества. Благодаря этим факторам падение доли Запада в мировом потреблении происходит с замедлением по сравнению с падением доли в мировом производстве.

Таким образом, монография М.В. Ершова нацелена на фундаментальные причины эволюции национального суверенитета России. При этом сложившаяся в настоящее время ситуация предельно сложна для прогнозирования: «черные лебеди», можно сказать, сбиваются в стаи. Но несмотря на это, чтобы принимать решения сейчас, людям нужны инструменты, позволяющие заглянуть в будущее. Однако когда происходят по-настоящему важные события, авторы удачных и точных прогнозов оказываются в меньшинстве, если не в одиночестве. В итоге мы все больше привыкаем к тому, что Россия — страна с непредсказуемой историей, а в последнее время еще и с непредсказуемой экономикой.

Еще одна проблема собственно экономических прогнозов, которые раз за разом не сбываются, в том, что, как пишет М.В. Ершов, «экономисты склонны игнорировать впечатления конкретных людей и политику как нечто слишком абстрактное, не поддающее-

ся количественному измерению и анализу; их не включают в свои прогнозные модели... Ничто не заменит изучения ситуации „в полевых условиях“, на местах».

Начиная с конца 1990-х годов М.В. Ершов в своих книгах и журнальных публикациях неоднократно предсказывал возможность наступления глобального экономического кризиса — практически в яблочко, как говорится: грядущее глубокое падение фондовых индексов на рынке США, наступающие серьезные проблемы американского доллара и как следствие всей мировой валютной системы в целом [7].

Судя по его современным публикациям, Михаил Владимирович не видит возможности быстро выйти из наступившего экономического кризиса и полагает, что после первой неминуемо наступит вторая, причем более глубокая, фаза мирового кризиса. Выход из кризиса будет происходить медленно — в течение десятка лет — и потребует существенного видоизменения мировой валютной системы в целом [8]. Монография М.В. Ершова содержит огромный объем справочной информации, систематически изложенной и тщательно проработанной. И хотя она издана более десяти лет назад, в ней есть указания на возможные риски и рекомендации по решению проблем, находящихся в центре внимания в наши дни.

По-прежнему оба вопроса более чем важны для России: ее место в мире и средства для развития.

Что касается первого, то Россия находится в крайне непростом положении. И выбор тут придет-

ся делать не только высшему руководству, но и ведущим корпорациям, регионам, всему деловому сообществу и общественности. Где мы хотим и можем быть по конкретным направлениям (отраслям, продуктам, системам): в роли мирового лидера, провинции, периферии или захолустья? В каждой роли есть свои плюсы и минусы, даже в последней есть плюсы, а в первой — минусы. И ответ должен быть дан исходя не только из амбиций и иллюзий, но и из опыта прошлого и трендов будущего. Кроме того, есть и железобетонные ограничения, не зависящие от наших соображений. Ведь вопрос об экономическом суверенитете весьма близок к вопросу о национальной безопасности именно России и ее союзников. А удастся ли России пробежать в будущее между струями геополитического урагана?

Что касается средств, то М.В. Ершов еще 11 лет тому назад ребром ставит этот вопрос и показывает, что генерирование инвестиций для экономического роста опирается отнюдь не только на экспортный потенциал, но на денежно-финансовые возможности. «Ставки рефинансирования близки к нулю и в ЕС, и в Японии, и в США. Причем не просто близки к нулю, но и ниже инфляции, а у нас — выше и жестче. Участники операций в рамках двух раундов LTRO (операции долгосрочного рефинансирования. — *Примеч. ред.*) в еврозоне получили свыше триллиона евро в качестве длинного трехлетнего ресурса. Мы, российская экономика, триллион долларов заработали примерно за 10 лет экспорта сырой нефти. Мы 10 лет экспортировали наш невозобновляемый ресурс, а они за несколько месяцев участникам своей экономики предоставили такую же сумму...». Добавим, что и с началом новой волны кризиса Европейский центральный банк попросту эмитировал два триллиона евро, таким же «смягчением» занималась ФРС, а Россия продолжила формировать свои финансо-

вые ресурсы в привязке к экспорту сырья. Более того, совершенно сознательно денежные власти применяют инструменты, сжимающие денежную массу и ограничивающие кредит и инвестиции, превращают рубль в одну из самых волатильных валют в мире. Более дикую ситуацию трудно вообразить, но такова российская реальность, в которой наше объективно зависимое положение в мире усугубляется интеллектуальной вторичностью и догматизмом применяемых моделей управления экономикой. Позднее М.В. Ершов делает определенный вывод, что у российской экономики есть скрытые и пока неиспользуемые механизмы, которые позволяют нормализовать валютный рынок, удлинить ресурсную базу, удешевить финансовые ресурсы, увеличивая тем самым возможности для своего экономического роста.

В своей монографии М.В. Ершов обращается и к еще одному крайне существенному сюжету российской политики — распределению доходов и ответственности между центром и регионами: «Я всегда был сторонником того, чтобы финансовые ресурсы не аккумулировались в Москве, а поступали адекватно в регионы, нужно чтобы региональные ценные бумаги принимались для рефинансирования Центральным банком, тогда полученная бумага будет означать, что на эту величину ресурс ушел в регион... Будет более равномерное распределение финансовых ресурсов, которые необходимы для регионального развития» [9]. Ведь именно в регионах потенциал нашего роста. Воз, правда, и ныне там. Можно только добавить, что сегодня финансовые ресурсы еще больше сконцентрировали гос-

корпорации и в особенности банки, явно не демонстрируя желания их инвестировать. Круг замкнулся, точнее клещи сомкнулись: с одной стороны, парализация внутренней инвестиционной деятельности, монополизация и централизация, сжатие денежной массы ввергают страну в стагфляцию, с другой — санкции, блокирование доступа на внешние товарные и финансовые рынки, усиление геополитической напряженности.

Недавно делегация российских банкиров и промышленников побывала в США, где ознакомилась с новейшими технологическими достижениями. Сказать, что они были впечатлены, мало. Речь идет о потрясении. И не столько диковинными виртуальными шлемами или скоростью производства автомобилей, сколько осознанием того, что ключевая арена конкуренции сегодня — в сфере моделей управления и ценностей, которые их определяют.

В этом ключе вспоминается недавнее сравнение американских и российских олигархов. Если Дж. Хопкинс, Дж. Рокфеллер, Э. Карнеги, Э. Меллон, У. Келлог, Х. Хьюз и многие другие прославились тем, что основывали институты, университеты и фонды, то что отличает когорту крупнейших российских миллиардеров? Многое, в частности покупка и спонсирование футбольных клубов («Челси», «Арсенал», «Анжи», «Спартак», «Кубань», «Рединг», «Монако», «Портсмут», «Зенит»), а также Лиги чемпионов УЕФА. Разумеется, круг интересов и американских, и российских олигархов не исчерпывается образованием или футболом. Но

сказано не зря ли: «нет дыма без огня». В.И. Ленин вполне определенно отвечал на вопрос, почему нет революции в Северной Америке: «Там есть умные руководители капитализма».

И не потому ли так популярна у нас поговорка: «Нет пророка в отечестве своем»?..

ПЭС 16112 / 04.07.2016

Источники

1. Путин: нужно укреплять экономический суверенитет РФ [Электронный ресурс] // Вести. Экономика. 2015. 29 января. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/52601>.
2. Ершов М.В. Экономический суверенитет России в глобальной экономике. М.: ЗАО «Издательство „Экономика“», 2005. С. 131.
3. Ершов М.В. Мировой финансовый кризис. Что дальше? М.: ЗАО «Издательство „Экономика“», 2011.
4. Тенденции и перспективы развития мирового, евразийского и российского рынка интеллектуальной собственности. М.: МИСК, 2013. С. 8.
5. Глазьев С.Ю. Уроки очередной российской революции. М.: ИД «Экономическая газета», 2011.
6. Агеев А.И., Волконский В.А. и др. Природная рента в экономике России. М.: ИНЭС, 2004.
7. Ершов М.В. Валютно-финансовые механизмы в современном мире (кризисный опыт конца 90-х). М.: Экономика, 2000. 319 с.
8. Ершов М.В. О прогнозах кризиса и необходимых мерах // Аналитический банковский журнал. 2009. № 6 (169).
9. Команда Глазьева готовит альтернативу либеральной экономической стратегии России [Электронный ресурс] // Российская академия наук. 2013. 2 марта. URL: <http://www.ras.ru/digest/shownews.aspx?id=38be4417-42ad-4ba9-b0e5-ba64bd43247d&print=1>.

